

И с тем сэр Ланселот отпустил сэра Паломиду. А потом через великую свою мощь и силу сэр Ланселот добыл себе коня, победив при этом двадцать рыцарей.

Когда же сэр Ланселот снова оказался на коне, он свершил множество дивных подвигов, и сэр Тристрам тоже, а также и сэр Паломид. Сэр Ланселот одним копьём поверг наземь сэра Динадана, и короля Шотландии, и короля Северного Уэльса, и короля Нортумберландии, и короля Листенойза. Так сэр Ланселот и его товарищи повергли вместе наземь чуть не сорок рыцарей.

Потом выехали король Ирландии и король Низинных Земель на подмогу сэру Тристраму и сэру Паломиду, и завязалось тут большое сражение, и с обеих сторон было повержено много рыцарей. Но во все время боя сэр Ланселот не нападал на сэра Тристрама, а тот на него, и сэр Паломид избегал встреч с сэром Ланселотом.

Налетали рыцари один на другого там и тут, кололи копьями, рубились мечами, король Артур выслал на поле много рыцарей Круглого Стола, но сэр Паломид все время сражался в передних рядах; сэр же Тристрам свершал такие богатырские подвиги, что король и все остальные только диву давались.

Но вот король повелел трубить отбой, и первенство и честь победителя были присуждены в тот день королем Артуром и другими, королями сэру Паломиду, ибо он начал всех раньше, не покидал ни пешком, ни конным турнирного поля, но неустанно сражался либо верхом, либо на земле и всех более пробыл на поле.

И повелел сэр Тристрам сэру Динадану привезти королеву Изольду Прекрасную назад к его шатрам у ручья. И сэр Динадан так и сделал, а когда сэр Паломид узнал, что рыцарь в красном – это и есть сэр Тристрам, он весьма тому обрадовался, и сэр Гарет с сэром Динаданом тоже, ибо они все полагали, что сэр Тристрам был взят в плен.

И вот все рыцари разъехались по своим пристанищам. А у короля Артура и у других королей только и было речи, что о рыцарях, выступавших в тот день, но изо всех первенство они отдавали сэру Паломиду, и все рыцари, знавшие сэра Паломиду, дивились его подвигам.

– Сэр, – сказал сэр Ланселот королю Артуру, – что до сэра Паломиды, если он и есть тот зеленый рыцарь, то ныне он, уж конечно, превзошел всех остальных, ибо он не передохнул ни разу и ни разу не переменял на себе одежды, а начал первым и держался всех долее. Но уж я-то знаю, – сказал сэр Ланселот, – на этом турнире выступал рыцарь еще лучший, нежели он, и жизнью поручусь, он еще покажет себя прежде, чем мы расстанемся.

Такие разговоры велись с обеих сторон, а сэр Динадан упрекал сэра Тристрама и говорил так:

– Что за дьявольские чары наведены на тебя сегодня? У сэра Паломиды силы за весь день не истощились, но лишь удвоились. А ты, сэр Тристрам, целый день был словно во сне, и потому я называю тебя трусом.

7

– Ну, сэр Динадан, – отвечал сэр Тристрам, – меня еще ни один смертный рыцарь не называл трусом до сего дня. И да будет тебе ведомо, сэр Динадан, я не считаю себя трусом, из-за того что сэр Ланселот выбил меня из седла, ибо сэра Ланселота я отличаю изо всех рыцарей. И можешь не сомневаться, сэр Динадан, если бы сэр Ланселот сражался всерьез, то с ним не сравнился бы ни один из ныне живущих рыцарей, а кроме того, и в кротости, щедрости, великодушии и учтивости я не знаю ему равных.

И сэр Тристрам разгневался на сэра Динадана. А сэр Динадан говорил все эти речи для того, чтобы рассердить сэра Тристрама и тем пробудить в нем воинственный дух, ибо сэр Динадан отлично знал, что если сэра Тристрама всерьез распалить, то завтра уже первенство не достанется сэру Паломиду. И вот для того-то сэр Динадан и говорил сэру Тристраму все эти обидные речи.

– Истинно, – сказал сэр Паломид, – что до сэра Ланселота, то по рыцарственному благородству и вежеству, по доблести и великодушию мне некого назвать ему равного. Ибо ныне, – сказал сэр Паломид, – я обошелся куда как неучтиво с сэром Ланселотом и совсем не по-рыцарски. Он же в ответ поступил со мною со всей рыцарской учтивостью, ибо, окажись он не более великодушен со мной, чем я с ним, мне бы сегодня не досталась честь победы. И потому, – сказал сэр Паломид, – я, покуда живу, буду верным рыцарем сэра Ланселота.

И у всех королей тоже велись такие разговоры, и все короли, лорды и рыцари говорили, что